УДК 811.161.1

ББК Ш141.2

DOI: 10.35211 / 2500-2635-2019-3-39-106-110

ЯЗЫК МАСС-МЕДИА КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В КУРСЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

MASS-MEDIA LANGUAGE AS A SOURCE OF LINGUISTIC REFLECTION IN THE CULTURE OF SPEECH COURSE

БЕЛЯКОВА Лариса Федоровна

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
E-mail: cars@vstu.ru

СИДОРОВА Татьяна Леонидовна

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
E-mail: orlova8888@mail.ru

BELYAKOVA Larisa F.

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
E-mail: cars@vstu.ru

SIDOROVA Tatyana L.

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
E-mail: orlova8888@mail.ru

Аннотация. Наблюдение над языком масс-медиа и смежных функциональных сфер дает возможность за речевыми ошибками увидеть как системные изменения и особенности узуса, так и недостатки речевой культуры.

Ключевые слова: язык масс-медиа, языковые процессы, система, норма, узус, речевые ошибки, культура речи.

Abstract. The study of language phenomena in mass-media and adjacent functional spheres elucidate both system changes and specificities of usage against the background of speech errors as much as deficiencies of speech culture.

Keywords: mass-media language, language processes, system, norm, usage, speech errors, culture of speech.

Лишь случайность может предстать перед нами как послание. Лишь случайность о чем-то говорит нам.

М. Кундера. Невыносимая легкость бытия

Язык средств массовой информации – СМИ, с одной стороны, как зеркало, отражает изменения в речевой практике современников и, с другой стороны, влияет на нее, нередко порождая фонетическую моду, меняя употребительность лексико-семантического варианта или лексемы в целом, предпочитая ту или иную грамматическую форму.

Так, московский ренессанс произношения -ЧН- как - [ШН]: *шүто[шн]ый, моло[шн]ый, гре[шн]евый, пустя[шн]ый, будни [шн] ый* и др. пересек, как кажется, границы столицы, хотя и не отражен пока в справочной литературе.

Российские и зарубежные звезды спорта и эстрады, известные музыканты, архитекторы, писатели редко *рассказывают* о чем-то в интервью: обычно в интерпретации интервьюеров они *признаются*, говоря о своих желаниях, впечатлениях, творческих стимулах. С помощью этого глагола сопрягаются, казалось бы, противоположные смыслы: аура таинственности и атмосфера доверительности. Архитектор с мировой известностью Сантьяго Калатрава *признается* (в переводе) в «Новостях культуры» (канал «Культура» 23 июня 2014 г.), что «его вдохновляет абсолютно все».

Бросается в глаза экспансия слова «пространство» в самых разнообразных контекстах: личное пространство, пространство счастья, пространство вариантов, пространство познания, пространство «Рихтер» как модное досуговое место, первое пространство у залива «Порт Севкабель» и др.

Ощущается тенденция к употреблению в речи (а не только в орфоэпических предписаниях) предложно-падежных форм географических названий на – О: в Кускове, в Домодедове и подобных. Однако существует и противоположная тенденция – отстаивание узувального не изменяемого по падежам употребления топонимов Колпино, Купчино, Пулково и некоторых других.

Язык масс-медиа, понимаемый широко, – это тексты не только (и иногда даже не столько) журналистов-профессионалов, сколько публичных людей в разнообразных сферах деятельности, а также и обычных участников интерактивных проектов. Речевой поток размывает литературную норму, и отклонения от нее могут порождать комические и трагикомические эффекты, что в большинстве случаев приводит к коммуникативным сбоям.

Необсуждаемая группа ошибок относится, на взгляд авторов, к языковой технике. Орфографию и пунктуацию просто надо знать, потому что надо, прежде чем приступать к созданию даже стандартного текста. Несколько примеров привлекают внимание к искажению смысла и оценочному послевкусию от информации. Интервьюер «Российской газеты» (26 августа 2013 г.), сообщая об успехе гастролей Молодежного симфонического оркестра Центральной музыкальной школы в Лондоне, вложил в уста художественного руководителя фразу: «Для гастролей подготовили «*Гибриды» (знаком * обозначаем неправильные языковые формы и конструкции. – Л. Б., Т. С.) Мендельсона». Намек на то, что «Мендельсон услышал пение скал и написал музыку о подвигах моряков Англии на фоне меняющегося моря», не помог семантизации и правильному написанию названия островов. Информация о гастролях Мариинского театра в Латвии поражает парадоксальным признанием балерины: «Скажу честно, обувь немного спадала, и хотелось ее поправить – это сбивало. Трудно работать и *босЯком» (*Русский TVNET*. 18 декабря 2013 г.). Банальная ошибка изменила смысл утонченного спектакля «Парк», можно сказать, дезинформировала потенциального зрителя.

Наиболее заметны в речи наших как младших, так и старших современников ошибки в словесном ударении – акцентологические ошибки. Язык медиа (многочисленных телевизионных каналов, государственных и негосударственных радиостанций с интерактивным эфиром, интернет-вещания) предоставляет в распоряжение наблюдателя богатый отрицательный материал.

Ударение, как правильное, так и неправильное, автоматизируется в речи, становится бессознательным, незамечаемым компонентом собственного речевого действия. Поэтому люди, говорящие об одном и том же предмете, всесторонне его обсуждающие, последовательно употребляют разные акцентные варианты слов. И правильным, литературным, в большинстве случаев может быть только один. Обсуждая вопросы покупки недвижимости, эксперт употребляет просторечно-профессиональное *«договоА, договоРАх», а интервьюер – литературное: «договоРы, договоРАх». На праздни-

ном концерте в честь Дня России ведущая, объявляя автора слов классического романса, назвала его МайкОвым вместо МАйкова. Это могло бы остаться курьезной оговоркой, если бы уже в профессиональной среде, в объявлениях программ вокалистов на завершившемся XVI Конкурсе им. П. И. Чайковского опять не появился (хочется сказать «несчастный») Аполлон *МайкОв. В конкретном случае неправильный акцентный вариант вызван действием мощного закона аналогии (многие русские фамилии на –ов имеют ударение на конечном гласном) на фоне пробелов в общей культуре произносящего.

Критическое осмысление приведенных и аналогичных языковых фактов – ненормативного формо- и словоупотребления – в учебной нефилологической аудитории (например, в курсах гуманитарного блока), способствует формированию исторического взгляда на современную речевую практику, осознанию нормы как гаранта языкового общения одновременно живущих поколений без сбоев в коммуникации.

Сопоставим, например, словарные статьи в двух орфоэпических словарях – 1983 года и 2008 года (Борунова 1983; Иванова 2008). Произносительные варианты слова «заплесневелый» даются в одинаковой последовательности: сначала основной литературный вариант с ударением на втором слоге, а затем допустимый разговорный с ударением на четвертом слоге. Артист, который озвучивал научно-популярный фильм «Плесень», выбрал второй, то есть допустимый разговорный вариант. Можно предположить, что такой выбор объясняется узусом: целевая аудитория (неспециалисты, интересующиеся наукой и околонаучными сенсациями) в основном предпочтет именно эту форму, этот звуковой образ. Строго нормативное произношение ощущается уже этой целевой группой как неузуальное, отвлекающее от содержания, провоцирующее коммуникативный микросбой.

На этом примере можно показать отражение изменения нормы в языке медиа. Конкурируют так называемые старшая норма и младшая. Старшая норма устаревает, архаизируется и постепенно исчезает из актуального речепроизводства (Белякова 2012).

Если обратиться к варьированию произношения в речи пресловутого слова «квартал», которое нормативно имеет ударение на втором слоге, то причиной стойкой орфоэпической ошибки (правда, в СМИ изживаемой), видимо, является стремление (отражающее языковую тенденцию) разграничить варьированием ударения омонимы или значения полисемантов (Сидорова 2011).

Активно используются формы множественного числа существительных тех слов, которые нормативно еще недавно употреблялись только в форме единственного числа. В правилах, однако, всегда существовало допущение форм множественного числа для обозначений сортов, видов, разновидностей и подобных веществ, особенно в профессиональной сфере общения. Так появились «масла», «сахара», «табаки», а сейчас уже и «фарши» (в передаче «От Микояна до Мамиконяна» в «Вестях FM»). Авторы статьи, вероятно, можно обвинить во вкусовщине, но они видят здесь системное изменение: категория числа продолжает формироваться и втягивает в орбиту про-

тивопоставления по единственности-множественности все большую часть лексического состава языка (Колесов 1998:113), подобно тенденции к преодолению видовой дефективности (например, акцентировать-проакцентировать, участвовать-поучаствовать и под.).

Одной из причин колебаний в выборе формы грамматического рода является влияние аналогии. Так, несколько лет назад «Радио России» было информационным спонсором кампании, которая называлась «Спасем русского выхухоля!» с формой м. р. существительного в названии акции. Корреспондент интервьюировал зоолога, абсолютно правильно произносившего «с выхухолью, о выхухоли». Однако интервьюер не слышал ученого, а беседовали вроде бы об одном и том же зверьке (Бородин 1964:279). Однако, например, ворон и ворона – это разные птицы, хотя и принадлежащие к одному семейству. Корреспондент ассоциировал название животного с существительным на мягкий согласный, как «соболь», а не с существительным на мягкий согласный, как «моль» – ж. р.

Если обратиться к текстам классического корпуса, то можно увидеть, что ряд слов с такой же финалью изменил грамматический род. Так, поэт Константин Батюшков в 1807 году пишет другу из действующей армии о потере запаса бумаги вместе с «портфелем», уехавшей с обозом (Батюшков 1934:383).

Языковая система дает возможность выбрать вариант грамматического оформления, а норма закрепляет тот или иной вариант в качестве обязательного (или предпочтительного). Лингвисты создают нормативные грамматики и словари для конкретного (обычного значительного) исторического периода.

Практически потеряно умение изменять числительные как в письменной, так и в спонтанной устной речи. Говорящий на ходу пытается построить фразу так, чтобы слово, обозначающее количество, употреблялось в именительном падеже или в совпадающей с ним форме винительного падежа. Еще одна из уловок, помогающая обойти острые углы формоизменения числительных, – это использование англоязычного способа обозначения даты: «год двадцать девятнадцать» и подобное.

Нарастает тенденция не изменять все иностранные фамилии, а иногда и русские мужские фамилии с твердым согласным в финали. Очень часто этим грешат ведущие спортивных каналов. Даже несложная фамилия канадского фигуриста Патрика Чана склоняется с трудом, чаще слышим: «Поговорим с фигуристом Патриком *Чан». Этот и масса других примеров (в том числе при объявлении победителей, призеров, дипломантов разных соревнований и конкурсов, фамилий выпускников учебных заведений и т. п.) могут рассматриваться в русле несформированности грамматических навыков, могут считаться и отражением иноязычной моды, и воздействием рекламы, которая изначально в большинстве своем переводная. Однако языковые факты не усваиваются, если нет предрасположенности к ним в родном языке. Вероятно, это одно из проявлений языковой тенденции к аналитизму.

Таким образом, наблюдения над языком масс-медиа и смежных функциональных сфер дают возможность заметить распространение языковых феноменов, которые могут проявлять и системные изменения, и оставаться некоторое время модными окказионализмами, вызванными к жизни собственно языковыми или экстралингвистическими факторами.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. – М.: Рус. яз., 1983. – 704 с.
2. Иванова, Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Т. Ф. Иванова. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. – XIV, 893 с.
3. Белякова, Л. Ф. Язык СМИ и анализ языковых ошибок в университетском курсе культуры речи / Л. Ф. Белякова // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 8 / ВолгГТУ. – Волгоград, 2012. – С. 117–120.
4. Сидорова, Т. Л. Договор с акцентологической нормой / Т. Л. Сидорова // Известия ВолгГТУ : межвуз сб. науч. ст. № 3 (90) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2011. – С. 274–280.
5. Колесов, В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра / В. В. Колесов. – СПб.: Юна, 1998. – С. 113.
6. Бородин, Л. П. Некоторые замечания по поводу орфографии и этимологии слова «выхухоль» / Л. П. Бородин // Труды Мордовского заповедника. – 1964. – Вып. 2. – С. 279.
7. Батюшков, К. Н. Сочинения / К. Н. Батюшков. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 383.